

ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ НОРМ ПРАВА ВТО В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Вступление России в ВТО поставило перед государством, предпринимательскими кругами и учеными-правоведами ряд юридических проблем, решение которых не представляется возможным без всестороннего понимания особенностей взаимодействия международного и национального права. Одна из таких проблем, – понимание имплементации норм права ВТО в правовой системе РФ. Автором предпринята попытка обрисовать возможности и ограничения действия соглашений ВТО на территории России, в том числе, с точки зрения концепции прямого действия норм международного права.

В процессе поиска ответа на поставленный вопрос рассмотрены отдельные самоисполнимые и несамоисполнимые нормы международного права, изучен общий порядок имплементации норм ВТО в ведущих государствах-членах организации и сделан вывод об особом месте России с точки зрения подхода к интегрированию положений права ВТО в свою правовую систему. Однако это может повлечь установление различного материально-правового и процессуально-правового статуса России и других государств и субъектов предпринимательства при участии в правоотношениях, регулируемых правом ВТО.

Ключевые слова: международное и внутригосударственное право; соглашения ВТО; прямое действие норм международного права; разрешение споров; российская правовая система.

IMPLEMENTATION OF NORMS OF THE WTO WITHIN THE LEGAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION: SOME THEORETICAL AND PRACTICAL ISSUES

Accession of Russia to the WTO raised a range of legal issues for the state, entrepreneurship and scholars which cannot be solved without comprehensive knowledge of peculiarities of interaction between international and domestic law. One such issue, to which the present article is dedicated, is implementation of the WTO provisions within the legal system of Russia. The author has made an attempt to describe possibilities and limitations of effect of the WTO treaty in the Russian territory, including from the position of direct application of international norms.

As the answer to the raised issue was being searched for, some applicable and not directly applicable norms were considered as well as basic approach towards implementation of the WTO norms in other countries was studied, thus paving way to the conclusion that Russia has a special stance regarding the implementation of the WTO provision within its legal system. This may cause a different position of Russia within the WTO from the point of view of law compared to other states.

Keywords: international and domestic law; WTO treaties; direct effect of international norms; dispute settlement, Russian legal system.

1. Понимание права ВТО

Образование Всемирной торговой организации (далее - ВТО) в 1994 г., появившейся в результате подписания соответствующего соглашения [1], обусловило возникновение некоторых вопросов, в числе которых следует выделить определение места «права ВТО» в международном праве.

Должная имплементация невозможна без осознания сущности соответствующего права. В свою очередь можно подчеркнуть, что термин «имплементация» в юриспруденции имеет широкую трактовку: принятие норм национального права, необходимых для исполнения норм международного права, еще не означает фактического исполнения международно-правовых обязательств. Международная практика показывает, что иногда государство издает необходимые для имплементации международного договора нормы национального права. Тем не менее, оно может не только не исполнять своих обязательств по договору, но и нарушать нормы своего национального права, принятые для имплементации такого договора [2, с. 34].

Имплементация норм международных договоров не заключается лишь в деятельности государства-участника по исполнению того или иного договора. Она предполагает проведение широкого комплекса мероприятий организационного

характера, направленного на непосредственную реализацию международно-правовых норм. Реализация же норм права ВТО имеет определенную специфику. Одно из проявлений этой специфики – осознание места права ВТО в международном праве, его статус.

Обозначенный вопрос уже находил свое отражение в зарубежной и отечественной доктрине. Например, зарубежные ученые практически единогласно признают международно-правовую природу права ВТО. В ряде работ [3, с. 72] можно прочесть, что оно относится к сфере международного публичного права. В различных трудах [4, с. 25] [5, с. 92] также поддерживается вывод о том, что нормативные положения ВТО - это составная часть международного публичного права [6, с. 65].

В качестве аргумента в пользу признания международной публичности норм ВТО указанные авторы (и другие исследователи, придерживающиеся схожей точки зрения) отмечают, что международное торговое право (выступающее частью публичного права) состоит из двусторонних, региональных и многосторонних торговых соглашений. В свою очередь, Марракешское соглашение об учреждении ВТО (далее – Соглашение о ВТО) является одним из наиболее значимых многосторонних торговых соглашений. Следовательно, нормативная база ВТО входит в систему международного торгового права и является совокупностью предписаний, регулирующих торговлю товарами, услугами и защиту прав интеллектуальной собственности [7, с. 35].

Отчасти соглашаясь с вышесказанным, другая группа правоведов (в том числе, отечественных юристов) добавляет, что право ВТО необходимо толковать и понимать расширительно. Например, чтобы стать членом организации, будущему государству-участнику необходимо согласовать протокол присоединения (аналогичный протокол был в 2011 г. подписан и Россией [8]). Как же расценивать такой документ? Ответ на данный вопрос был дан третьей группой (внутренним судебным органом ВТО), постановившей при рассмотрении одного из дел, что протокол присоединения является частью Соглашения ВТО [9].

Таким образом, право ВТО включает не просто Соглашение о ВТО, являющееся единым международным договором, который предусматривает права и обязательства для всех членов ВТО, а состоит из совокупности многосторонних торговых соглашений, «плюрилатеральных» торговых соглашений и протоколов о присоединении к ВТО [10, с. 16]. Положения же этих документов разъясняются

специфическими судебными органами ВТО – третейской группой и апелляционной коллегией.

Две точки зрения на то, что следует понимать под правом ВТО, охарактеризованные выше, близки между собой, особенно, в части признания факта относимости права ВТО к области международного публичного права. Однако, действительно ли, частноправовому элементу не может быть отведено никакого места? Необходимо учитывать, что именно через частных экономических операторов проходит основной поток международной торговли, и нарушения норм ВТО напрямую затрагивают их интересы.

Возможно, при проведении переговоров по созданию Организации будущие члены ВТО исходили из того, что допуск частных лиц к механизму разрешению экономических споров ВТО нанесет вред гибкости торговой системы, которая делает ее одной из передовых международных организаций.

Поднятый «частноправовой» вопрос применительно к праву ВТО весьма сложен и связан с проблематикой прямого действия его норм на территории конкретного государства. При определенных обстоятельствах (зависящих, главным образом, от государства) частноправовой элемент может войти в понимание права ВТО, особенно, когда речь идет о последствиях межгосударственных, публичных судебных тяжб внутри системы ВТО. Суд Европейского союза (далее – суд ЕС) выделяется в этом отношении особым образом. Так, в рамках дела по иску частной французской компании «Viret International», рассмотренного в двух инстанциях, суд ЕС несколько приоткрыл возможность для юридических лиц и предпринимателей обратиться в национальный суд с требованием взыскания компенсации с государства, в случае если оно не исполняет решение суда ВТО [11, с. 57].

Подобное заключение суда (пусть и в расплывчатой форме), как видится, способствует соблюдению принципа справедливости, поскольку санкции, налагаемые на государство судебным решением ВТО, за неисполнение обязательств перед организацией и другими странами-участниками, в конечно счете, негативно сказываются на хозяйственной деятельности именно юридических лиц и предпринимателей. Вместе с тем, допущение одними государствами прямого действия права ВТО способно поставить их в различное положение с другими странами-участницами.

Принимая во внимание всё вышеизложенное, можно прийти к выводу, что понимание права ВТО различно в зависимости от конкретных стран-участников.

В случае недопущения к торговой системе частных лиц (что, конечно же, встречается в большинстве), право ВТО ограничено Соглашением о ВТО, многосторонними торговыми соглашениями, «плюрилатеральными» торговыми соглашениями и протоколами о присоединении к ВТО в их толковании судебными органами организации.

Если же государство-участник допускает частных лиц к системе ВТО, то к праву данной организации следует также добавить судебные решения и прецеденты, вынесенные по результатам обращения коммерческих и некоммерческих организаций.

2. Имплементация норм ВТО в правовых системах государств. Исходные начала

Общепризнанно, что нормы права ВТО относятся к международному праву, следовательно, будучи его составной частью, к нему применяется принцип «*pacta sunt servanda*» («договоры должны соблюдаться»). Субъект международного права обязан исполнить взятое на себя обязательство, вытекающее из договора, согласие на юридическую обязательность которого государство выразило надлежащим образом. Однако в литературе справедливо отмечается, что международное право не устанавливает способов и средств, с помощью которых оно должно это сделать [12, с. 321]. Вопрос о способах реализации международных обязательств решает государство, принявшее это обязательство, исходя из идей уважения и добросовестности [13, с. 64].

В рамках подходов к соблюдению принципов и норм международного права и реализации своих обязательств, возникших на их основе, ряд государств придерживается дуалистической концепции соотношения международного и национального права, признающей раздельное их существование.

В противоположность этому монистический подход объединяет международное и национальное право в одну систему. Одним из ярких примеров образования, придерживающегося монистического подхода, является право ЕС.

При монистическом подходе возникает острая проблема прямого действия права ВТО во внутригосударственной правовой системе. В частности, ряд отечественных авторов полагают реальным «прямое применение норм права ВТО в российских судах» [14, с. 82]. Виделось это реальным и в практике ЕС, на примере рассмотренного выше дела французской компании «Biret International» (хоть в целом ЕС и отрицает возможность прямого действия норм ВТО). Однако

такая позиция далеко не является доминирующей в международно-правовой науке. Отмечая дискуссионность данной позиции, некоторые исследователи, рассуждая о прямом применении норм права ВТО в российских судах, указывают при этом на практику США, отрицающей возможность прямого применения норм права ВТО в их правовых системах [15, с. 205].

Итак, став членом ВТО, каждое государство, без исключений, обязуется исполнять принятые в Организации нормы. Вместе с тем, на этом единство и отсутствие неопределенности заканчивается. На следующем этапе имплементации норм ВТО на национальном уровне встает вопрос об их действии, применении, исполнении и реализации. Это, в свою очередь, неразрывно связано с тем, какой порядок имплементации устанавливает национальная Конституция и законодательство.

3. Вопрос прямого действия норм права ВТО в правовой системе государства: опыт России.

Проблема имплементации права ВТО в российской правовой системе в целом, и непосредственного действия норм этого права, в частности, приобрела формат широкого обсуждения сразу после вступления РФ в ВТО и является относительно новой для российского права. В русском языке термин «direct effect» не имеет однозначного перевода с английского языка: юридической науке известны такие синонимичные понятия, как «прямое действие», «прямой эффект», «непосредственное применение» и др.

С вопросом прямого или непрямого действия непосредственно связан и другой - о самоисполнимых и несамоисполнимых нормах международного права. Так, непосредственно действовать могут только самоисполнимые нормы, неслучайно их называют еще и «нормами прямого действия». В принципе, это устоявшееся мнение в литературе [16, с. 134]. Однако это не означает, что проблемы самоисполнимости на сегодняшний день не существует. Даже после принятия Конституции РФ, закрепившей нормы международного права в качестве составной части российской правовой системы и придавший им приоритет (часть 4 статьи 15) [17], вопрос не был снят. Более того, потребность формального закрепления признаков самоисполнимых норм возросла.

Следует согласиться с тем, что нормы международного права, несмотря на положение части 4 статьи 15 Конституции РФ, далеко не все могут применяться

автоматически. Во-первых, они являются частью не права, а правовой системы, которая значительно шире, во-вторых, не все они готовы к применению. Многие нормы несамоисполнимы, действуют в правовой системе РФ опосредованно - через правотворчество, через законодательство. Конституция РФ, допуская действие и реализацию норм МП уже не в рамках отдельных отраслей, а в правовой системе в целом, не дает каких-либо ориентиров для ответа на вопрос о самоисполнимых нормах [18, с. 134].

Не дает ответа и Федеральный закон «О международных договорах Российской Федерации». Согласно пункту 3 статьи 5 данного закона положения официально опубликованных международных договоров Российской Федерации, не требующие издания внутригосударственных актов для применения, действуют в Российской Федерации непосредственно. Для осуществления иных положений международных договоров Российской Федерации принимаются соответствующие правовые акты [19]. При такой формулировке остается невыясненным вопрос, какие договоры «не требуют издания соответствующих актов», и что делать судам (или иному правоприменителю) для его выяснения и корректного применения договора.

Тем не менее, ориентир понимания самоисполнимости и прямого действия международного договора существует в практике Пленума Верховного суда РФ. Суд изложил признаки невозможности непосредственного применения, отнеся к ним *содержащиеся в договоре указания на обязательства государств-участников по внесению изменений во внутреннее законодательство этих государств*, а также невозможность порождения прав и обязанностей для субъектов национального права без принятия указанных изменений [20].

Однако, несмотря на значительное прояснение вопроса, позиция Верховного суда не дает исчерпывающего ответа на вопрос самоисполнимости. Следует также добавить, что, говоря о самоисполнимости, следует иметь в виду не международный договор в целом, а лишь отдельные его самоисполнимые или несамоисполнимые положения. В итоге можно выделить следующие признаки самоисполнимых международно-правовых положений, нашедших отражение в юридической литературе [18, с. 143-144] [21, с. 283] [22, с. 156] [23, с. 52]:

- общее указание в договоре о применимости его норм к отношениям в сфере национального права;
- адресованность нормы физическим, юридическим лицам или конкретным видам органов;

- детальность (ясный и определенный характер) нормы;
- отсутствие требования издания внутригосударственных актов для применения международно-правового положения.

Напрашивается вопрос: содержит ли оно самоисполнимые нормы? Возможно обратиться к пункту 4 статьи XVI Соглашения ВТО, согласно которому каждый член обеспечивает соответствие своих законов, иных нормативных актов и административных процедур своим обязательствам, вытекающим из прилагаемых Соглашений. Это - главное и общее требование, обращенное ко всем членам организации.

На первый взгляд, данная норма дает положительный ответ на утверждение о том, что Соглашение о ВТО не имеет прямого действия, и многие страны-участницы незамедлительно закрепили это в положениях своих внутренних законодательств. В частности, в Законе США «О соглашениях Уругвайского раунда» 1994 г. (Uruguay Round Agreements Act / 19 U.S.C. Sec. 3512) установлен приоритет права США над соглашениями ВТО в случае коллизии. В данном акте указано, что «всякое положение соглашений Уругвайского раунда или применение такого положения к любому лицу или обстоятельству, если оно не соответствует какому-либо закону США, рассматривается как недействительное... Ничто в настоящем Законе не должно толковаться как изменяющее или исправляющее какой-либо закон США, если это прямо не указано в настоящем Законе» [24]. Такой категорический запрет на прямое действие нашел впоследствии подтверждение и в судебно-прецедентной практике США [25].

Аналогичные действия были проведены и в других странах, на долю которых приходится львиный оборот в торговле (например, Япония, Индия, Канада), что привело к доминированию подхода о невозможности прямого применения норм ВТО среди государств-участников данного образования.

Позиция же России в этом вопросе, даже несмотря на наличие пункта 4 статьи XVI Соглашения о ВТО, не оказалась столь определенной и очевидной. Связано это с особенностями права ВТО, в состав которого, как отмечено выше, входит не только само Соглашение о ВТО, но, в том числе, и протокол о присоединении с многочисленными приложениями к нему.

Неопределенность обусловлена, прежде всего, положением §151 Доклада Рабочей группы по присоединению РФ к ВТО (далее – Доклад Рабочей группы), провозглашающего Соглашение ВТО, многосторонние соглашения к нему, а также

Протокол о присоединении, неотъемлемой частью российской правовой системы [26]. Следовательно, любое юридическое и физическое лицо потенциально может требовать отмены нормативно-правовых актов российского законодательства, которые не соответствуют обязательствам России в рамках ВТО. Кроме того, они смогут требовать компенсации ущерба, понесенного в результате действия данных актов. .

С точки зрения содержания, Доклад аккумулирует результаты дискуссий в рамках Рабочей группы по различным аспектам внешнеторгового режима РФ, его соответствия нормам и правилам в соответствии с текстами нормативных правовых актов и других документов, представленных российской стороной, а также по вопросам, связанным с условиями присоединения РФ к ВТО [27, с. 88].

В отечественной юридической литературе существует вопрос, следует ли рассматривать этот Доклад в качестве источника права? [27, с. 87] Думается, нет, поскольку по формально-юридическим критериям этот документ не может быть расценен, как таковой. Не отменяет это и текст Протокола о присоединении РФ к ВТО, который напрямую отсылает к Докладу, предусматривающему, что «с даты ратификации РФ Протокола о присоединении, включающего Соглашение ВТО и другие обязательства, принятые РФ как часть условий присоединения к ВТО, Протокол становится неотъемлемой частью правовой системы РФ». Положения Доклада можно рассматривать лишь как предпосылку к официальному вступлению России в ВТО. Те условия, которые были зафиксированы в этом документе, в конечном счете, будут отражены и в актах (главным образом, Протоколе о присоединении), являющихся источниками права. Доклад лежит в основе возникновения прав и обязанностей сторон: России, ВТО и государств – членов организации. Принудительному исполнению подлежат лишь те обязательства, зафиксированные в Докладе, которые впоследствии повторены и в Протоколе (в частности, пункт 1450 Доклада).

Положения Протокола способствовали обращению хозяйствующих субъектов в арбитражные суды РФ. Например, в одном из дел, рассмотренном Девятым арбитражным апелляционным судом, общество предприняло попытку оспорить положение и толкование нормы Налогового Кодекса РФ, поскольку, по его мнению, оно противоречило принципам права ВТО. Не соглашаясь с доводами апелланта, суд отметил следующее [28]:

«Споры между государствами - членами ВТО по вопросам взаимной торговли рассматриваются в специальном подразделении органа по разрешению

споров (ОРС). Орган по разрешению споров входит в систему главных органов ВТО. Функции ОРС выполняет Генеральный Совет ВТО, специально собираясь для рассмотрения споров.

ОРС в своей деятельности руководствуется специальным актом - Договоренностью о правилах и процедурах разрешения споров. Данная договоренность является приложением 2 к Соглашению об учреждении ВТО 1994 года.

Таким образом, существует специальный орган, в котором рассматриваются споры, возникающие между членами ВТО. В арбитражных судах членов ВТО такие споры рассматриваться не могут».

В другом же споре Пятнадцатый арбитражный апелляционный суд заинтересовался коллизией, возникшей между нормами ВТО и внутренним законодательством РФ, даже направив соответствующий запрос о толковании в Конституционный суд РФ [29].

Суть правовой ситуации заключалась в том, что внутреннее российское регулирование в области интеллектуальных прав (а именно, пункт 3 статьи 1244 Гражданского Кодекса РФ [30]) не согласовывалось с принятым на себя Россией обязательством пересмотреть систему коллективного управления правами в целях отмены недоговорного управления правами. Срок пересмотра - в течение пяти лет после вступления в силу части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации. Данное международное обязательство, предусмотренное параграфом 1218 Доклада Рабочей группы и включенное также в Протокол о присоединении, было взято на себя Россией в связи со вступлением в ВТО. Указанный же срок истек 1 марта 2013 г., однако положения пункта 3 статьи 1244 Гражданского Кодекса РФ так и не были изменены. Соответственно, с этого момента возникла коллизия между нормами федерального закона и ратифицированного Россией международного договора, при этом единообразия судебной практики не наблюдалось. При этом положениями Доклада устанавливался приоритет права ВТО над внутригосударственным законодательством РФ.

Исследовав обстоятельства дела, Конституционный суд РФ отказал в рассмотрении запроса, отметив, что он не уполномочен разрешать вопросы о соответствии одного нормативного правового акта другому. Кроме того, Конституционный суд не стал высказывать свое мнение о возможности (или невозможности) признания прямого действия норм ВТО. Позиция суда видится логичной, принятой с учетом его компетенции, а также пониманием того, что не

представляется возможным говорить о самоисполнимости или несамоисполнимости норм права ВТО в целом: необходим анализ каждой отдельно взятой нормы.

В конечном итоге, Пятнадцатый арбитражный апелляционный суд склонился к мнению, что практика толкования Соглашения о ВТО исходит из отсутствия прямого действия норм ВТО. В качестве обоснования своей позиции суд сослался на практику других стран, в том числе, США. Так, в период Уругвайского раунда переговоров при обсуждении включения положения о прямом действии норм ВТО США и ряд иных значимых торговых государств сделали декларации, исключающие прямое действие норм ВТО в соответствующих правовых системах. Дополнительно сославшись на доктрину, суд также отметил, что «подавляющее большинство стран-членов ВТО, включая абсолютно все ведущие державы, либо полностью исключили прямое использование этих норм, либо самым серьезным образом его ограничили. Сделано это было либо через принятие специального законодательного акта, либо решениями высших судов, либо судебной практикой».

Далее, охарактеризовав параграф 1218 как «...требующий для его реализации принятие национального нормативно-правового акта...», суд пришел к выводу о невозможности его непосредственного применения в рассматриваемом деле [31].

В целом же, учитывая разный подход стран-участниц, можно говорить о существовании различных подходов к пониманию наличия или отсутствия прямого действия положений права ВТО.

Как видно из содержания нормативных источников, в отличие от подавляющего большинства зарубежных государств (провозгласивших приоритет национального права), особенности присоединения РФ к ВТО действительно допускают прямое действие норм ВТО в правовой системе РФ. Поэтому в случае, если положения российского внутреннего законодательства (тот же пункт 3 статьи 1244 Гражданского Кодекса РФ) не будут приведены в соответствие с обязательствами России, принятыми при вступлении в ВТО, в российские суды могут поступить как заявления о признании недействительными этих положений, так и о компенсации убытков, возникших в результате их действия. Безусловно, это неизбежно приведет к неравному статусу России и других стран-участниц ВТО. Следует, однако, при этом заметить, что причина такого неравного статуса заложена в конституциях стран. Положение части 4 статьи 15 Конституции России

прямо провозглашает общепризнанные принципы и нормы международного права составной частью правовой системы РФ. При этом статья 15 располагается в главе 1 Конституции, которая не может быть изменена иначе как Конституционным Собранием или всенародным голосованием (статья 135 Конституции). В этой связи, российскому законодателю (во избежание судебных тяжб) следует обратить внимание на должное и своевременное приведение российского законодательства в соответствие с международным правом ВТО.

4. Заключение

Проведя анализ вопроса имплементации норм ВТО в правовой системе РФ, можно сделать вывод, что Конституция предусматривает иной, по сравнению некоторыми иными участниками Организации (например, США, Япония и другие), принцип соотношения международного и внутригосударственного права, а также один из способов выполнения международных обязательств страны. Признание норм и принципов международного права составной частью правовой системы России без устранения несогласованности с внутренним законодательством может создать предпосылки для судебных разбирательств по различным предметам. Оспаривание положений национального нормативно-правового акта в целом или в части, возмещение убытков, причиненных действием внутренних норм, противоречащих международному праву, - лишь некоторый их перечень. И это не относится лишь к праву ВТО, а имеет отношение к принимаемым Россией принципам и нормам международного права в целом. Яркой иллюстрацией в этом отношении может служить многолетняя колоссальная работа по приведению российского законодательства в соответствие с Европейской Конвенцией о защите прав человека и основных свобод, проводимая и по настоящий день.

Право ВТО в обозначенном смысле не является чем-то необычным: § 151 Доклада Рабочей группы по сути лишь доводит до сведения представителей ВТО сущность положений части 4 статьи 15 Конституции РФ и общий порядок имплементации международного договора, который, как было подчеркнуто, применяется и в отношении норм права ВТО. Став частью российской правовой системы, право ВТО обрело возможности и ограничения своего действия на территории России, исходя из понимания самоисполнимых и несамоисполнимых норм.

Опираясь на признаки самоисполнимых норм, следует прийти к выводу, что, значительное количество норм права ВТО является несамоисполнимым. Как правило, будучи адресованы не конкретным физическим или юридическим лицам, а самому государству – участнику организации (например, пункты 1218, 1144 Доклада рабочей группы, обязательство по которым вошло в Протокол), эти нормы требуют еще и издания соответствующего национального правового акта. Этим проявляется ограничительная сторона действия положений Организаций.

В свете изложенного можно заключить, что в сравнении, к примеру, с Европейской Конвенцией о защите прав человека и основных свобод, обладающей существенной адресованностью конкретным субъектам права, нормы право ВТО обладают меньшей самоисполнимостью, а, следовательно, и большей стартовой ограниченностью своего действия.

С другой стороны, установленная Конституцией природа соотношения международного и российского права дает праву ВТО возможность стать источником изменения национального законодательства, приведения его в соответствие с межгосударственными обязательствами. Субъекты российского права не лишены доступа к отстаиванию в государственных органах и судах своих интересов, основанных на положениях ВТО. Представляется, однако, что обращения за защитой и иски подобного рода могут поступить в случае, если нормы ВТО улучшают положение заинтересованных лиц в сравнении с национальным регулированием.

В некотором смысле, такую ситуацию можно назвать «имплементацией норм права ВТО снизу».

Важно помнить, что Конституция РФ допускает прямое действие положений международного договора, равно как и отдает приоритет его нормам над федеральными законами. Это, в свою очередь, требует от законодателя более энергичных действий по имплементации международного договора, поскольку она заключается не только в его ратификации, но и всестороннем приведении в соответствии с ним всей той части внутреннего законодательства, которая этим договором затрагивается. И нормы права ВТО здесь не исключение.

Литература

1. Марракешское соглашение об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 г.: по сост. на 25.03.2017 г. // Собрание законодательства РФ. 2012. № 37 (приложение, ч. VI). С. 2514 – 2523.

2. Мюллерсон Р.А. Соотношение международного и национального права. - М., 1982. – 137 с.
3. McRae D. The Contribution of International Trade Law to the Development of International Law. 260 Recueil des Cours 111, 1996. 242 p.
4. Jackson J. The World Trading System. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1997. pp. 23-28.
5. Cook G. (2015). A Digest of WTO Jurisprudence on Public International Law: Concepts and Principles. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 89-93.
6. Pauwelyn J. Conflict of Norms in Public International Law: How WTO Law Relates to Other Rules of International Law. Cambridge University Press, 2003. 112 p.
7. Van den Bossche P., Zdouc W. The Law and Policy of the World Trade Organization. 3rd edition. 2013. 217 p.
8. Протокол о присоединении Российской Федерации к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 г.: по сост. на 25.03.2017 г. // Собрание законодательства РФ. 2012. № 37. Ст. 4986.
9. China - Raw Materials, WT/DS394/R, WT/DS395/R, WT/DS398/R (5 July 2011). § 7.112, 7114.
10. Гуляева Т.К. Основные доктринальные подходы к определению понятия «право ВТО» // Международное публичное и частное право. 2016. № 2. С. 14-18.
11. Alberto Alemanno, Droit de l'OMC, «Biret International», 3 REVUE DU DROIT DE L'UNION EUROPÉENNE, 2003. 115 p.
12. Право ВТО: теория и практика применения: монография / Л.П. Ануфриева, В.А. Жданов, П.А. Калиниченко и др.; под ред. Л.П. Ануфриевой. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2016. 528 с.
13. Akehurst M. Modern Introduction to International Law / Ed. by P. Malahczuk. 7th ed. L., 2004. 142 p.
14. Губарева А.В., Сливкин И.В. Последствия вступления России в ВТО: правовое регулирование внешнеторговой деятельности: Монография. Екатеринбург: Издательский дом «Уральская государственная юридическая академия», 2013. 192 с.
15. Трунк-Федорова М.П. Рецензия на книгу: Губарева А.В., Сливкин И.В. Последствия вступления России в ВТО: правовое регулирование

внешнеторговой деятельности // Российский юридический журнал. 2014. № 1. С. 204 - 206.

16. Осминин Б.И. Международные договоры в российской правовой системе (к 20-летию Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации») // Журнал российского права. 2015. № 12. С. 126 - 139.

17. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г.: по сост. на 12 декабря 1993 г. // СПС КонсультантПлюс.

18. Марочкин С.Ю. Действие норм международного права в правовой системе Российской Федерации: Монография. Издательство Тюменского государственного университета, 1998. 200 с.

19. О международных договорах Российской Федерации. Федеральный закон от 15.07.1995 № 101-ФЗ.: по сост. на 08 января 2013 г. // Опубликован 28.12.2012 на официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>.

20. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» по сост. на 05.03.2013 г. // СПС КонсультантПлюс.

21. Зимненко Б.Л. Международное право и правовая система Российской Федерации. Общая часть: Курс лекций. М.: Статут, РАП, 2010. 416 с.

22. Марочкин С.Ю. Действие и реализация норм международного права в правовой системе Российской Федерации: Монография. М.: Норма, Инфра-М, 2011. 288 с.

23. Марочкин С. Ю. К 10-летию Конституции Российской Федерации: проблемы реализации принципа о нормах международного права как составной части правовой системы России // Общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры в практике конституционного правосудия: Матер. Всероссийского совещания (Москва. 24 декабря 2002 г.).- М.: Международные отношения. 2004. С. 48-54.

24. 19 U.S.C. 3512 - RELATIONSHIP OF AGREEMENTS TO UNITED STATES LAW AND STATE LAW // U.S. GOVERNMENT PUBLISHING OFFICE. URL: <HTTPS://WWW.GPO.GOV/FDSYS/PKG/USCODE-1994-TITLE19/PDF/USCODE-1994-TITLE19-CHAP22-SUBCHAPI-PARTASEC3512.PDF> (дата обращения: 07.04.2017 г.).

25. Timken Co. v. U.S., 354 F.3d 1334 (Fed. Cir.), 543 U.S. 9176. 2004.

26. Доклад Рабочей группы по присоединению Российской Федерации к Всемирной Торговой Организации // СПС КонсультантПлюс.
27. Звегинцева Д.О. Прямое действие права ВТО: взвесив все «За» и «Против» // Российский внешнеэкономический вестник. 2014. №11 С. 86 - 90.
28. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 19.01.2015 по делу № А40-41759/14 // СПС КонсультантПлюс.
29. Определение Конституционного Суда РФ от 06.11.2014 г. № 2531-О // СПС КонсультантПлюс.
30. Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230–ФЗ: по сост. на 28 марта 2017 г. // Собрание Законодательства РФ. 2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5496.
31. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 08.02.2015 по делу № А53-29016/13 // СПС КонсультантПлюс.

Информация об авторе:

Степанов Сергей Александрович,

Аспирант кафедры теории государства и права и международного права

Тюменского Государственного Университета

Адрес: 625000, г. Тюмень, ул. Ленина 38.

E-mail: sergey-u29@mail.ru

Information about the author:

Stepanov Sergei Alexandrovich

Phd student of the Department of theory of state and law and International law
of the Tyumen State University

Address: 625000, Tyumen, 38 Lenina str.

E-mail: sergey-u29@mail.ru